

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Алексей Гилев

Политические
трансформации
на постсоветском
пространстве:
Do revolutions matter?

Препринт М-06/09

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2009

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(051)64
Г47

Гилев А. В.

Г47 Политические трансформации на постсоветском пространстве: Do revolutions matter? / Алексей Гилев : Препринт М-06/09. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 30 с. — (Серия препринтов; М-06/09; Центр исследований модернизации).

Случаи смены власти в ряде стран СНГ, получившие название «цветные революции», стали предметом дискуссий в политической науке. Сегодня, спустя несколько лет после этих событий, появилась возможность рассмотреть изменения политического режима, скрывающиеся в каждом случае за метафорой «цветных революций». Данная работа посвящена сравнительному анализу режимных трансформаций в Грузии, Украине и Кыргызстане. На траектории политических режимов оказывает влияние расстановка сил в период «цветных революций» — сила действующей правящей элиты и фрагментированность коалиции негативного консенсуса. В Грузии абсолютная победа коалиции с одной доминирующей группой привела к укреплению монолитности режима. В случае Украины фрагментированный характер победившей коалиции и равенство сил старой и новой правящих элит способствовали установлению рамок, поддерживающих полицентричность. В Кыргызстане фрагментация новой правящей элиты при отсутствии сопротивления прежней элиты привела к торгу в условиях определенности, что в итоге привело к возобновлению доминирования одной группы.

Информация об авторе: Алексей Владимирович Гилев — аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге; agilev@eu.spb.ru.

Введение: после «цветных революций»

К 2000-м годам на посткоммунистическом пространстве СНГ постепенно завершились процессы оформления политических режимов. Правящие элиты уверенно взяли власть в свои руки и «законопатили» окна возможностей, предотвратив потенциальные прорывы оппозиционных групп. Системы работали безотказно, но исключениями стали так называемые цветные революции. Исключениями ли?

Политическая наука сталкивается с вопросами: Каково влияние «цветных революций» на режимные характеристики? Имеют ли значение «цветные революции»? Иначе говоря, в каких случаях смена правящей элиты приводит к тем или иным режимным трансформациям? Традиции транзитологической школы отразились в оценке «цветных революций» как случаев перехода к демократии (Макфол, 2005; Kuzio, 2006). В том же ключе обычно оценивали «новые революции» и их лидеры. Такая несколько упрощенная модель, сводящая конфликт «цветных революций» к борьбе «хороших» и «плохих» политиков, естественным образом породила критику, рассматривающую произошедшие события как нормальную динамику постсоветских режимов (Hale, 2006; Фисун, 2007).

В настоящее время, по прошествии нескольких лет после завершения «цветных революций» в Грузии, Украине и Кыргызстане, можно подвести некоторые итоги «постреволюционных» периодов истории изучаемых государств и рассмотреть этот феномен не в ракурсе анализа причин или специфики протекания, но с точки зрения эффекта, оказываемого на характеристики режимов.

«Цветные революции» — обобщенное название процессов смены правящей группы при широкой массовой мобилизации, причиной которой стал

протест против официальных итогов выборов государственных органов власти. Это не уникальное постсоветское явление — подобные события произошли, например, в Сербии (2000) и на Филиппинах (1986) (Макаренко, 2005; Tucker, 2007). С целью обеспечения основания для сравнения объектное поле ограничено рамками постсоветского пространства и включает три случая: *Революцию роз* в Грузии, украинскую *Оранжевую революцию* и *Революцию тюльпанов* в Кыргызстане. Наименования этих событий, равно как и понятие «цветные революции» пришли из публицистики и не являются научными терминами. Возможно, эти названия не столь удачны и не отражают сути явлений, однако исторически именно они стали конвенциональными. Так или иначе, нецелесообразным видится создание для малого числа случаев новых концептов, неизбежно воспринимаемых как неуклюжие эвфемизмы. Здесь нет необходимости ставить наименование «цветные революции» в контекст теорий революции и задаваться вопросом, революции это или нет? Во избежание подобных вопросов наименование «цветные революции» помещается в кавычки.

Настоящая работа посвящена анализу исключительно внутривнутриполитического аспекта «цветных революций». За скобки выведен ряд экзогенных факторов — влияние на политический процесс со стороны международных акторов или динамика экономического развития. В качестве теоретических рамок анализа предлагается новый институционализм, опирающийся на теорию рационального выбора и теорию элит. Акторы рассматриваются как рациональные индивиды, чьи интересы и стратегии во многом зависят от институционального дизайна. В переходные моменты рациональные интересы элит могут оказывать ключевое влияние на формат трансформирующихся политических институтов (Burton et al., 1992). Именно соотношение сил акторов определяет возможность либо «борьбы по правилам» (Гельман, 2007а), т. е. появления у институтов предписывающей силы (North, 1990; Weingast, 1997), либо, напротив, второстепенного значения институтов.

Теоретические перспективы

Для определения основных элементов политического режима используется формула Гильермо О’Доннелла и Филиппа Шмиттера: *Политический режим — это вся совокупность явных и неявных моделей, определяющих формы и каналы доступа к важнейшим управленческим позициям, характеристики субъектов, имеющих такой доступ или лишенных его, а также доступные субъектам стратегии борьбы за него* (O’Donnell, Schmitter, 1986: 73). Таким образом, анализ политического режима включает в себя рассмотрение: а) институтов, б) совокупности акторов, в) стратегий этих акторов.

Соответственно изменения политических режимов оцениваются на всех трех уровнях. Под институциональными изменениями здесь понимаются изменения конституционного распределения полномочий акторов и их властных возможностей. В качестве акторов политического процесса рассматриваются элиты, т. е. группы, оказывающие влияние на принципиальные решения — *principal decision makers* (Burton et al., 1992). Элита в целом представляет собой совокупность элитных групп. Группы, обладающие контролем над исполнительной властью, определяются здесь как *правящая элита*, а группы, не имеющие такого контроля и стремящиеся к нему, определяются как *оппозиция*. Итогом изменений политических режимов также может быть *усиление фрагментации* или *консолидации* элитной структуры.

Стратегии акторов могут носить *компромиссный* или *силовой* характер. В первом случае один актор навязывает свою волю другому, причиняя тому ущерб, во втором случае стороны предпочитают договариваться друг с другом. Склонность акторов к тем или иным стратегиям является следствием как расстановки сил, опосредующей свободу формальных институтов от опасности манипуляций со стороны правящей группы, так и отношения акторов к возможным репутационным издержкам от применения силовых стратегий. В случае конфликта элит, в зависимости от соотношения потенциалов правящая элита может выбирать наиболее выгодную для себя стратегию: подавление оппозиции, игнорирование, компромисс или капитуляцию (табл. 1).

Таблица 1. Предпочтительные стратегии правящей элиты

Потенциал групп		Правящая элита	
		Низкий	Высокий
Оппозиция	Низкий	Игнорирование	Подавление
	Высокий	Капитуляция	Компромисс

Опасаясь репутационных издержек, правящая элита иногда может выбирать и менее выгодные для себя стратегии, которые не соответствуют балансу потенциалов конкурирующих групп. Оппозиция выбирает между двумя основными стратегиями — лояльностью и протестом (Weingast, 1997). Изменения стратегий акторов могут вести к снижению или повышению степени компромиссности политического процесса либо к сохранению *status quo*.

Соответственно задача исследования предполагает анализ основных характеристик политического режима в каждой из стран до и после «цветной революции». При этом характеристики режимов после «цветных революций» рассматриваются как зависимые переменные, опосредованные исходом «цветной революции», который, в свою очередь, обусловлен: а) со-

отношением потенциалов участников конфликта в ходе «цветной революции» и б) структурой элитной группы победителей «цветной революции». Исход «цветной революции» определяется соотношением потенциалов участников конфликта (см. табл. 1), тогда как формат новой правящей элиты зависит от состава победителей «цветной революции». Я исхожу из положения, что исход конфликта элит и конфигурация новой правящей элиты определяют характер изменений режимов после завершения «цветных революций» (Гилев, 2007).

Конституционное устройство каждой из исследуемых стран до «цветной революции» анализируется на основе последнего к началу этих событий варианта конституции. Варианты конституционного устройства после «цветной революции» рассматриваются в динамике, итоговым вариантом конституции по завершении «цветной революции» считается последний по состоянию на лето 2008 года. В качестве инструмента для интерпретации конституционного устройства той или иной страны использован анализ силы президентских полномочий (Кынев, 2002; Зазнаев, 2007) с помощью индекса президентализма Мэтью Шугарта и Джона Кэри (Shugart, Carey, 1992). Данный индекс позволяет рассчитать силу полномочий президента страны по четырехбалльной шкале на основе полномочий главы государства в законодательной и исполнительной сферах (по восьми различным параметрам). Таким образом, максимальный возможный показатель силы президентских полномочий по индексу Шугарта и Кэри — 32 балла, минимальный — 0 баллов. Фрагментация элитной структуры в рамках настоящей работы оценивается на основе результатов выборов нижней палаты парламента по партийным спискам и дополнительно иллюстрируется результатами президентских выборов в каждой из исследуемых стран. Для количественной оценки показателей фрагментации используется индекс эффективного числа партий (Голосов, 1997), выведенный Маркку Лааксо и Рейном Таагеперой¹ (ЭЧП). Индекс приблизительно показывает число тех партий, чье участие в выборах имеет смысл с точки зрения распределения голосов избирателей. Аналогичным образом рассчитывается эффективное число кандидатов на президентских выборах (ЭЧК). Кроме того, отдельно рассчитывается степень парламентской фрагментации, вычисляемая по той же формуле по отношению к долям голосов той или иной фракции в парламенте (ЭЧПП).

Работа построена следующим образом. Сначала в ней на основе представленной выше схемы дается анализ динамики политического режима в каждой из исследуемых стран — Грузии, Украине и Кыргызстане — до,

---

¹ Индекс вычисляется по формуле: $N = \frac{1}{\sum v_i^2}$, где v_i — доля голосов i -той партии (Голосов, 1997).

в ходе и после «цветных революций». Затем на основе сравнения этих случаев сформулированы выводы об эффектах «цветных революций» с точки зрения их влияния на траектории процесса трансформации политических режимов.

Грузия

Политический режим накануне «Революции роз»

Институциональный дизайн. Конституция Грузии была принята в 1995 году, ее текст был согласован парламентом республики, председатель которого Эдуард Шеварднадзе являлся и главой государства. Конституция установила «суперпрезидентскую» форму правления. Президент в грузинской политической системе обладал значительными полномочиями в исполнительной (11 из 16) и законодательной (8 из 16) сферах, в то время как контрольные полномочия парламента были минимальны. Парламент избирался по смешанной системе. 150 мест распределялись по пропорциональной системе с 7 %-ным барьером. 85 мест распределялись в округах. Сроки работы президента и парламента были различны: президент избирался на пять лет, парламента — на четыре. К 2003 году парламентаские выборы «опережали» президентские на два года, благодаря чему становились их оттянутым прологом.

Структура элиты. Грузинские партии не были эффективным инструментом борьбы за исполнительную власть. Президенты Гамсахурдиа и Шеварднадзе опирались на личную популярность. Многочисленные партии боролись не за пост президента, но за возможность влиять на законодательный торг в парламенте. Партийную систему представляли аморфная «партия власти» (Голосов, 1997), партии отдельных заинтересованных групп (промышленников, аджарской элиты), а также небольшие идеологизированные персоналистские партии, чьи лидеры выстраивали репутацию ярких оппозиционеров. Высокий 7 %-ный барьер для прохождения в парламента стимулировал создание электоральных блоков, распадавшихся на фракции с началом работы легислатуры. На выборах 1999 года по спискам в парламента прошло три избирательных объединения (ЭЧП составило 4,0). Вместе с тем фрагментация не проецировалась на выборы президента: в результате выборов 2000 года действующий глава государства Шеварднадзе в первом туре набрал 80 % голосов (ЭЧК составило лишь 1,5)

В 2001 году в доминировавшей «партии власти» «Союз граждан Грузии» произошел раскол. «Молодые реформаторы» ушли со своих постов и бросили вызов терявшему популярность президенту и его окружению, что было

обусловлено ожиданием окончания сроков правления Шеварднадзе и «кризисом наследования» (Hale, 2006; Хэйл, 2008). Нацеленную на смену правящей группы замещающую оппозицию сформировали, с одной стороны, сторонники лидера СГГ и бывшего спикера Зураба Жвания, а с другой — сторонники экс-министра юстиции Михаила Саакашвили. Кроме того, из СГГ вышла партия грузинского бизнеса «Новые правые». В результате уже к июню 2002 года фрагментация резко усилилась — в парламенте Грузии было 14 фракций и депутатских групп (Политическая, 2002), ЭЧПП = 14,6.

Стратегии акторов. Выбор стратегий правящей элиты определялся соотношением ресурсов. Поскольку фигура президента была доминирующей, правящая элита имела стимулы применять стратегии подавления. Однако фрагментация ресурсов, усиленная расколом правящей группы, блокировала такие сценарии и вынуждала правящую группу к поискам компромиссов. Так, в октябре 2001 года попытка давления на телекомпанию «Рустави-2» вызвала политический кризис и массовые протесты. Летом 2003 года, после митингов оппозиции, избирательный кодекс был пересмотрен в ее интересах. Правящая элита была вынуждена идти на компромиссы и в отношении Аджарской автономии.

Кризис и «Революция роз»

Формат коалиций во время событий 2003 года в Грузии был обусловлен типом выборов. Борьба за места в парламенте способствовала фрагментированной структуре политических сил. Основными противостоящими силами стали новая «партия власти» «За Новую Грузию» и блоки замещающей оппозиции. Блок «Бурджанадзе — Демократы» представлял собой союз партии Жвания «Объединенные демократы» и нового спикера парламента Нино Бурджанадзе. В свою очередь, блок «Саакашвили — Национальное движение» объединил перешедших на сторону оппозиции выходцев из правящей элиты и небольшую персоналистскую Республиканскую партию.

Противостояние и его исход. Электоральное противостояние закончилось в пользу правящей элиты. После длительного подсчета голосов список ЗНГ занял первое место (21 %). Блок Саакашвили стал лишь третьим (18,8), еще скромнее выступили «Бурджанадзе — демократы» (8,8). «Партия власти» в такой ситуации вполне могла бы рассчитывать на союз с занявшей второе место партией аджарского лидера Абашидзе и депутатами, избранными по одномандатным округам. Поводы для недовольства были только у двух блоков замещающей оппозиции, остальные значимые политические силы устраивало сохранение status quo. Протестные выступления перешли в русло силового противостояния, где массовый ресурс оппозиции оказался эффективнее — открытие заседаний нового парламента было сорвано

демонстрантами во главе с Саакашвили. Ни приехавшие из Абхазии сторонники Абашидзе, ни силовые ведомства не решились оказать им сопротивление. Правящая элита капитулировала. Шеварднадзе ушел в отставку, исполнять обязанности президента стала спикер прежнего парламента Бурджанадзе. Единым кандидатом от победителей на грядущих президентских выборах был объявлен Саакашвили, что было естественно, поскольку он был доминирующим лидером оппозиции в период массовых акций протеста, а его партия уверенно опережала блок союзников. Выборы по партийным спискам были признаны недействительными и перенесены.

В результате досрочные президентские выборы, прошедшие в январе 2004 года, стали формальностью: Саакашвили набрал 96 % голосов (ЭЧК составило 1,08). Объединение двух прежде оппозиционных блоков в новую «партию власти» произвело мощный эффект: на прошедших в марте 2004 года парламентских выборах союз «Национальное движение — Демократы» получил 69 % голосов. Кроме него в парламент прошел только один блок, а партии, оппозиционные новой правящей группе, барьер не преодолели (ЭЧП = 2,0).

Исходом конфликта стала абсолютная победа одной относительно единой группы элит. Доступ к государственным ресурсам обеспечивал прежней правящей элите значительное преимущество в поле электоральной борьбы или строительства парламентских коалиций, что подталкивало замещающую оппозицию к применению неконвенциональных методов протеста.

Политический режим после «Революции роз»

Трансформации институтов. Новая элита, пришедшая к власти в ходе «Революции роз», благодаря абсолютному характеру своей победы имела стимулы закрепить новую расстановку сил и распределить выигрыш. Этим целям можно было добиться путем институциональных изменений. Институциональными эффектами «Революции роз» стало незначительное ослабление президента вследствие введения поста премьера в феврале 2004 года. Президент в результате конституционных изменений потерял всего 1 балл в сфере исполнительных полномочий, сохранив законодательные полномочия неизменными. Вместе с тем, такое перераспределение полномочий не приводило к реальному ослаблению главы государства. Фигура премьера была полностью зависимой от президента, и после гибели Жвания этот пост занимали лишь «технические» политики. В то же время президент получил гораздо больше возможностей проводить необходимые ему решения в парламенте под угрозой его роспуска.

В целом конституционные изменения привели к увеличению реальной власти президента. Сократилось число депутатов парламента с 235 до 150,

причем изначально предполагалось, что по пропорциональной системе должны распределяться 100 мест, но непосредственно перед новыми выборами в марте 2008 года число депутатов, избираемых по спискам и по одномандатным округам, было уравнено явно в интересах правящей элиты. «Национальное движение» могло рассчитывать на равномерно высокую поддержку по стране, поэтому и в округах оно должно было бы доминировать. С целью расколоть блоки оппозиции был также снижен проходной барьер с 7 до 5 %.

Структура элиты. «Партия власти», созданная новой правящей элитой и символично названная «Единое национальное движение», заняла доминирующее место в партийной системе Грузии, получив 130 из 150 депутатских мест по спискам. Благодаря избранным осенью 2004 года одномандатникам в парламенте к концу его срока насчитывалось 8 фракций (ЭЧПП = 3,2). Но при этом «Национальное движение» контролировало простое большинство и без труда вместе с союзными фракциями формировало квалифицированное конституционное большинство, поэтому поправки в конституцию парламент вносил регулярно. Подобно тому, как СГГ не встречал сопротивления оппозиции, выстроенной на основе структур партии-преемницы — Коммунистической партии Советской Грузии, также и ЕНД не встречало сопротивления со стороны прежней «партии власти». Оппозиционную нишу, как и в 2001–2003 годах, стали занимать силы, исключенные в ходе ротации из новой правящей элиты. К ним присоединились вытесненная в нишу радикальной оппозиции партия «Новые правые» и Республиканская партия.

Осенью 2007 года экс-министр Ираклий Окруашвили спровоцировал политический кризис, обвинив президента в коррупции и политических убийствах. Окруашвили подвергся судебному преследованию и покинул страну. После кризиса и массовых протестов, пойдя на уступки оппозиции, правящая элита решила на досрочные выборы президента. Биполярный формат соревнования, однако, не привел к монолитности контрэлиты в январе 2008 года. Саакашвили в первом туре получил 53,5 % голосов, его главный соперник Леван Гачечиладзе набрал 25,7 %, еще три оппозиционных кандидата набрали в сумме более 17 % голосов (ЭЧК = 2,8). Правящей элите Грузии, таким образом, в непростых условиях удалось успешно решить проблему легитимности нового режима. Парламентские выборы проводились в мае 2008 года, также в результате ряда уступок оппозиции. Однако победа правящей элиты оказалась еще убедительнее, чем на президентских выборах. ЕНД набрало 59,4 % голосов, а «Объединенная оппозиция Грузии» получила 17,6 %. В парламент прошли еще две партии (ЭЧП = 2,5). ЕНД получило в парламенте 120 из 150 мест (из них 71 — в одномандатных округах).

Таким образом, в результате «Революции роз» к лету 2008 года грузинская элитная структура консолидировалась. Оформилась деидеологизированная

партийная система с одной доминирующей партией и разрозненными персоналистскими оппозиционными группами. Попытки оппозиции изменить это соотношение сил в 2008–2009 годах успеха не имели (см. табл. 2).

Таблица 2. Изменение ЭЧП и ЭЧПП в Грузии

Выборы парламента	1999	2004	2008
ЭЧП	4,0	2,0	2,5
ЭЧПП	14,6	3,2	2,2

Процессы консолидации элит наиболее ярко иллюстрирует эффективное число парламентских партий. Несмотря на то что ЕНД позволило себе разделить своих депутатов на несколько парламентских групп, изменения очевидны. Смещение электоральной политики в русло персоналистского противостояния способствовало также и относительному росту эффективного числа кандидатов в президенты (см. табл. 3).

Таблица 3. Изменение ЭЧК в Грузии

Выборы президента	2000	2004	2008
ЭЧК	1,5	1,08	2,8

Стратегии элит. Новые стратегии элит оказались обусловлены соотношением описанных выше изменений. Сохранение ресурсов суперпрезидентского режима при консолидации элит в рамках новой «партии власти» снимало препятствия для силовых стратегий в отношении оппозиции. Еще в 2004 году новая правящая элита Грузии перешла от компромиссных стратегий во взаимодействии с Аджарской автономией к силовому противостоянию, завершившемуся победой центрального правительства. В отношении оппозиционных групп правящая элита также применяла силовые стратегии. Судебному преследованию подверглись Окруашвили, осенью 2007 года выступивший на телеканале «Имеди» с обвинениями президента, бизнесмен Бадри Патаркацишвили, которого правящая элита посчитала инициатором этого демарша, и его телеканал. Ситуация с «Имеди» контрастирует с неудачной попыткой давления на оппозиционный «Рустави-2», предпринятой при Шеварднадзе.

Правящая элита имела достаточно ресурсов, чтобы позволить себе подавить выступления оппозиции и игнорировать ее ультиматумы, а также использовать приемы электоральной инженерии непосредственно перед выборами. Даже решение о досрочных президентских выборах по большому счету не являлось компромиссным и свидетельствовало об уверенности

правлящей элиты в собственной силе. То же касается и переноса парламентских выборов: делая уступки оппозиционерам, правящая элита умело поворачивала ситуацию в свою пользу.

Оппозиционные группы, не имея действенных ресурсов борьбы в парламенте, использовали неконвенциональные методы, такие как протестные выступления и бойкот парламента. Переход политического процесса в русло перманентного силового противостояния до последнего времени не представлял угрозы для доминировавшей правящей элиты. Вместе с тем такой баланс нельзя назвать устойчивым. Фактически весь игнорируемый оппозиционный блок выбрал ту же тактику, что и замещающая оппозиция в 2003 году. Это заставляет победителей «Революции роз» ощущать постоянную угрозу новой «цветной революции».

Таким образом траекторию «постреволюционной трансформации» в Грузии определили два основных фактора: (1) абсолютный характер победы оппозиции, (2) монолитность лагеря победителей в момент «Революции роз». Абсолютный характер победы позволил новой правящей элите сохранить и модифицировать по собственному усмотрению существовавшие институциональные рамки. Монолитность победителей, сплотившихся в 2003 году вокруг одного лидера, способствовала консолидации значительного сегмента политической элиты и ее кооптации новой «партией власти». В результате «цветной революции» грузинский политический режим не создал институциональных барьеров, способных препятствовать силовым стратегиям, и даже усилил противостояние элит.

Украина

Политический режим в преддверии «Оранжевой революции»

Институциональный дизайн. Конституция Украины была принята в 1996 году после длительного торга президента Леонида Кучмы с Верховной Радой, где большинство имели левые политические силы (Гельман, 2007б). В результате президент не был единственной сильной фигурой в украинской политической системе. Кабинет министров имел двойную подотчетность перед президентом и парламентом. Президент имел значительные исполнительные полномочия (8 из 16) и весьма ограниченные законодательные (2 из 16). Парламент избирался на четыре года по несвязанной смешанной системе, 225 депутатов — по партийным спискам с барьером в 4 %, еще 225 — по одномандатным округам. Парламентские выборы в данный период проводились в неудачное для правящей элиты время — посередине пре-

зидентского срока — и использовались оппозицией как стартовая площадка перед выборами президента.

Фрагментация элиты. В украинской политике большое влияние имели экономические элиты наиболее промышленно-развитых регионов, в первую очередь Донецкой и Днепропетровской областей (Aslund, 2006; Гельман, 2007б). **Крупнейшие финансово-промышленные группы Украины** делегировали своих представителей на высшие государственные должности (Бондаренко, 2003). На президентских выборах 1999 года правящая элита, опасаясь лидера социалистов Александра Мороза, поддерживала раскол на левом фланге, благодаря чему ЭЧК в первом туре составило 4,6. Правящей элите удалось навязать свой сценарий кампании, которая закончилась победой Кучмы во втором туре над коммунистом Петром Симоненко. Пропорциональная избирательная система с невысоким заградительным барьером (4 %) способствовала фрагментации. На выборах 2002 года в парламент по партийным спискам прошли шесть партий (ЭЧП = 7,9). Вследствие того что половина депутатов избиралась по одномандатным округам, ЭЧПП было выше, чем ЭЧП. По состоянию на 22 декабря 2004 года в Раде было 13 фракций и депутатских групп (ЭЧПП = 9,6) (Социально-политическая, 2005).

Возможности партий заполучить исполнительную власть были ограничены, зато участие в парламенте позволяло использовать шантажный потенциал для защиты отдельных интересов. Вследствие этого парламент использовался региональными бизнес-группами, создававшими партии с территориально ограниченной электоральной базой. В 2002 году правящая элита заключила с этими объединениями картельное соглашение и организовала предвыборную «партию власти» — блок «За Единую Украину!» (Wilson, 2005). **Хотя при голосовании по партийным спискам блок выступил неудачно, он провел более 80 одномандатников, что в итоге позволило правящей элите создать проправительственное большинство в Верховной Раде.**

Таким образом, украинская политика характеризовалась значительной фрагментацией и дифференциацией элит. Правящая элита успешно пользовалась таким положением и справлялась с вызовами электоральных кампаний, поскольку, не имея внушительных конституционных полномочий, президент контролировал ситуацию по принципу *divide et impera*.

Стратегии элит. В условиях значительной фрагментации правящая элита вела постоянный торг с различными группами, ни одна из которых не могла иметь доминирующее положение. Успешно маневрируя, правящая элита даже пыталась применять силовые стратегии, однако они, как правило, блокировались различными сегментами элит. Так, неудачей окончилась попытка Кучмы в 2000 году использовать референдум для борьбы с влиятельной оппозицией в Верховной Раде. Попытки судебного пре-

следования оппозиционно настроенной Юлии Тимошенко не привели к ее исключению из политического процесса. Политическая элита пыталась применить силовые стратегии и во время электоральной кампании против той же Тимошенко и оппозиционного «5-го канала». Но и эти стратегии оказались безуспешны. В свою очередь, уступая правящей элите в кулуарной борьбе, оппозиционные группы в 2000–2002 годах пытались использовать неконвенциональные стратегии — уличные акции. Даже разогнав протестные выступления в марте 2001 года, Кучма пошел на переговоры с протестующей оппозицией и сделал ей некоторые уступки, отправив в отставку ряд силовиков.

Фрагментация элит, таким образом, оказывала двоякий эффект на поведение акторов. С одной стороны, диверсификация и не слишком большой объем президентских полномочий не позволяли правящей элите безраздельно доминировать на политической сцене Украины. С другой стороны, правящая элита, успешно маневрируя, избегала сопротивления оппозиции при проведении своего курса. В целом политический режим Украины накануне «Оранжевой революции» характеризовался преобладанием стратегий торга.

Кризис 2004 года и «Оранжевая революция»

Формат коалиций элит был задан типом выборов. Наличие двух фаворитов накануне президентских выборов 2004 года (бывший премьер-министр Виктор Ющенко и действующий премьер-министр Виктор Янукович) способствовало их активному торгу с потенциальными союзниками. Конфликт развернулся между правящей элитой и замещающей оппозицией во главе с Ющенко, коалиция в поддержку которого начала формироваться сразу после его отставки в 2001 году.

Ющенко получил поддержку ряда крупных предпринимателей, бизнес которых, однако, уступал по масштабу союзных правящей элите финансово-промышленных групп (Бондаренко, 2004). В коалицию вошла Тимошенко, одна из главных фигур в антипрезидентских выступлениях в 2001–2002 годах. Ющенко привлек на свою сторону некоторых выходцев из правящей элиты, лишенных ореола оппозиционности, таких как экс-премьер Анатолий Кинах и Александр Зинченко (Wilson, 2005). Ближе к выборам после приватизации ряда предприятий в пользу близких к премьеру олигархов поддержку Ющенко стали выражать также некоторые представители крупного бизнеса. Вследствие высоких ставок коалиция будущих победителей оказалась чрезвычайно раздутой.

Конфликт и его исход. Две коалиции охватили почти все электоральное пространство Украины (ЭЧК в первом туре составило 3,1). При такой плот-

ности исход должны были решить электораты левых кандидатов. Ющенко заключил союз с занявшим третье место Александром Морозом. По итогам второго тура победа досталась кандидату правящей группы Януковичу (49,5 %). Сторонники Ющенко (46,6 %) посчитали выборы сфальсифицированными и мобилизовали массовую поддержку. Проиграв на киевских улицах, команда премьера попыталась использовать для шантажа сепаратистский аргумент: региональные элиты Востока заявили о возможности выхода из состава Украины в случае неприемлемого решения. Реализуемость этой шантажной угрозы была достаточно сомнительной, но так или иначе сторонники Януковича давали понять, что не сдадутся без уступок (D'Anieri, 2005; Kuzio, 2005; Wilson, 2005; Оранжевая, 2005).

Во избежание гражданского противостояния элиты перенесли решение вопроса на площадки «круглых столов», в Верховную Раду и Верховный Суд. В результате торга сторон был достигнут компромисс — после того как Верховный Суд назначил «переголосование» второго тура, Верховная Рада приняла пакет конституционных законов. Возможности фальсификации выборов блокировались в обмен на принятие конституционных поправок, ограничивавших возможности президента за счет расширения полномочий Верховной Рады и премьер-министра. Конфликт, несмотря на мобилизацию сторонами силовых ресурсов, был разрешен мирно.

Фактически такой исход означал поражение правящей элиты. Кучма и Янукович понимали, что теряют власть, вместе с тем они имели достаточно ресурсов, чтобы добиться компромисса и выторговать соглашение, ограничивающее в полномочиях будущего главу государства, и снижали, таким образом, издержки от поражения. Ющенко, со своей стороны, не имел возможностей навязать противникам наиболее выгодный вариант, т. к. он был связан соглашением со сторонником «политической реформы» Морозом и мог опасаться сопротивления на региональном уровне со стороны элит Востока Украины. Компромисс стал следствием равенства сил и формата состязания.

В ходе переголосования второго тура победу одержал Ющенко, руководящие посты были распределены между его многочисленными союзниками. Однако соотношение голосов — 52 / 41 (%) говорило о биполярном характере украинской политической системы. Победитель должен был считаться с наличием мощной региональной базы оппозиции на Востоке. Кроме того, впоследствии его полномочия должны были значительно сократиться. Биполярный конфликт при относительном равенстве сил способствовал компромиссному характеру смены элиты и установлению новых правил игры и нового баланса сил.

Политический режим после «Оранжевой революции»

Институциональные изменения. Поправки в Конституцию Украины заработали в марте 2006 года, когда по новым правилам была избрана Верховная Рада. В результате введения поправок Президент лишился непосредственного контроля над правительством и потерял большую часть исполнительных полномочий (2 против прежних 8 из 16). Наряду с президентом возникла еще одна сильная фигура — глава кабинета министров, опирающийся на парламентское большинство и зависимый от него. Ряд нововведений способствовал усилению парламента и парламентских партий. Согласно принятой ещё при Кучме поправке, парламент избирался только на основе закрытых списков при барьере 3 %. Срок полномочий Верховной Рады был увеличен с 4 до 5 лет. При этом новая сильная фигура премьер-министра опиралась на большинство в парламенте. Парламент мог инициировать и отставку правительства (Жынев, 2005).

Данные нововведения не были выгодны части победившей «оранжевой коалиции», особенно президенту Ющенко. Однако у него было немного возможностей изменить *status quo*: чтобы сократить влияние Верховной Рады, требовалось ее согласие. В итоге в украинской политической системе оформилось достаточно устойчивое равновесие.

Структура элиты. После напряженного противостояния на президентских выборах региональные элиты получили возможность закрепить разделенный электорат Украины и стабилизировать территориальный раскол партийной системы. Партии как инструмент регионального лоббирования использовались элитами и ранее, однако теперь с возрастанием роли парламента региональные финансово-промышленные группы стали уделять им еще больше внимания — ведь партии стали не просто средством шантажного давления, но источником исполнительной власти. При этом формат партийной фрагментации дублировал культурно-географические, а не экономические расколы. Как следствие, Донецкая и Днепропетровская области оказались по одну сторону, в зоне влияния «Партии Регионов» Януковича, а отдельные бизнес-элиты могли оказывать помощь блокам, территориальная база которых не включала их регион.

Институциональное закрепление сильных партий и рост значения Верховной Рады увеличили ставки на парламентских выборах. Снижение проходного барьера могло бы стимулировать фрагментацию, но на деле важность парламентских выборов способствовала прагматическому голосованию избирателей за крупные партии. В электоральной кампании 2006 года приняло участие сорок пять объединений. Однако в парламент прошло только пять из них (ЭЧП = 5,6, а ЭЧПП = 3,4). Оформился новый формат украинской партийной системы. Борьбу за лидерство при опре-

делении правительственного курса вели три ведущих актора — «Партия Регионов», Блок Юлии Тимошенко (БЮТ) и «Наша Украина» во главе с Ющенко. Идеологизированные партии Украины (Социалистическая, Коммунистическая и др.) оказались вытеснены на периферию в круг борцов за «золотую акцию».

Политический кризис 2007 года повлек за собой досрочные выборы в Верховную Раду, результаты которых проиллюстрировали тенденцию дальнейшей консолидации украинской партийной системы (табл. 4).

Таблица 4. Изменения ЭЧП и ЭЧПП

Выборы в парламент	2002	2006	2007
ЭЧП	8,0	5,6	4,2
ЭЧПП	9,6	3,4	3,3

Соотношение сил «старших партий» Украины, при котором президентская партия «Наша Украина» занимала на выборах 2006 и 2007 годов лишь третье место, способствовало проявлению эффектов раздвоенности, заложенной в премьерско-президентской системе правления, сформированной после 2006 года. Раздвоенность исполнительной власти и острые межэлитные разногласия препятствовали слиянию «старших партий» (БЮТ и «Нашей Украины») и формированию единой «партии власти». Уже к осени 2005 года произошел разрыв Ющенко и Тимошенко и «революционное правительство» во главе с Тимошенко было заменено «техническим». Позднее новую правящую группу покинул ряд тактических союзников, которые при усилении вновь ставшего в 2006 году премьером Януковича предпочли перейти на его сторону.

Стратегии элит. Снижение фрагментации элит лишило президента возможности контролировать политический процесс за счет маневрирования между множеством групп. Консолидация партийной системы и эффекты премьерско-президентской формы правления с защищенным парламентом способствовали формированию нескольких вето-игроков. Формат политического режима препятствовал применению силовых стратегий. Так, реприватизационные процессы фактически ограничились скромными масштабами и символическим пересмотром продажи «Криворожстали» (Wilson, 2005). Ющенко не стал бросать вызов крупным бизнесменам, бывшим опорой режима Кучмы (Kuzio, 2006). **Новая правящая элита, будучи внутренне раздробленной, оказалась вынуждена включиться в существовавшую структуру финансово-промышленных групп, вместо того чтобы попытаться бороться с ней.** Более того, летом 2006 года президенту Ющенко пришлось пойти на компромисс и назначить премьер-министром Януковича, получив-

шего поддержку Рады. Показательна ситуация, когда президент попытался применить силу и подписал весной 2007 года указ о роспуске Рады, не относящийся с «буквой» Конституции.² Однако в конечном итоге этот и последующие силовые шаги стали прелюдией к переговорам главных акторов, и хотя роспуск Рады состоялся, он был легитимизирован вследствие компромисса между основными группами элит, а результаты выборов 2007 года также подтвердили закрепление *status quo*.

Наличие нескольких вето-игроков способствовало преобладанию стратегий торга. При этом консолидация партийной системы делала невозможной тактику прежнего президента — контроля с помощью маневрирования. Следует добавить, что эффект сдерживания работал вследствие слабости президентской партии и вынужденного сосуществования президента и премьер-министра от различных партий. Однако этот формат представляется естественным при наличии в структуре элит нескольких вето-групп, опасющихся концентрации власти у одной из них.

Формат нового политического режима Украины явился результатом сочетания двух основных факторов: (а) разнородности внутренней структуры коалиции победителей и (б) напряженного биполярного характера противостояния в борьбе за президентский пост в 2004 году. Эти факторы способствовали достижению формализованного пакта, который ограничил возможности новой правящей элиты и установил раздвоенный институциональный дизайн.

Кыргызстан

Политический режим до «Революции тюльпанов»

Институциональный дизайн. Конституция Кыргызстана была принята в мае 1993 года Верховным Советом, после чего несколько раз изменялась с помощью референдумов, которые проводились по решению президента Аскара Акаева. Конституция образца 2003 года предусматривала широкий набор президентских полномочий: 13 из 16 в исполнительной сфере и 10 из 16 в законодательной. 75 депутатов парламента избирались по системе абсолютного большинства в одномандатных округах сроком на 5 лет. Пар-

---

² Ющенко, как президент, не имел формального основания распустить Раду, но он апеллировал к своим полномочиям гаранта Конституции, мотивируя роспуск нарушением конституционных норм самими депутатами, которые перешли из одних фракций в другие.

ламентские выборы проводились за 8 месяцев до президентских, становясь, таким образом, их прологом.

Структура элиты. Кыргызстан был разделен горными хребтами на две географические зоны. Север был в большей степени индустриализирован и урбанизирован, чем аграрный Юг, который испытывал социально-экономические и национальные проблемы. Региональный раскол проецировался и на киргизскую политику, которая находилась под влиянием кланово-родового деления (Jones Luong, 2002). Политическая элита внимательно следила за балансом северных и южных кланов в правящей группе. В 2002 году этот баланс был нарушен. Вместо ушедшего в отставку южанина Курманбека Бакиева президент Акаев, представитель Севера, назначил новым премьером также северянина — русского Николая Танаева, что было негативно воспринято Югом республики.

Формированию сильных партий институциональный дизайн Кыргызстана не способствовал. Доминирующей фигурой был внепартийный президент. Депутаты парламента избирались по системе абсолютного большинства в одномандатных округах, где личная известность и родственные связи имели большее значение, чем поддержка общенациональной партии. В свою очередь, партии в Кыргызстане были персоналистски ориентированы и служили для поддержки одного или нескольких кандидатов в одномандатных округах. До принятия новой редакции конституции в Кыргызстане существовал небольшой стимул для образования общенациональных партий: четверть депутатов (15 мест) в одной из палат двухпалатного парламента избирались по пропорциональной системе. 90 из 105 депутатов обеих палат избирались по системе абсолютного большинства.

В парламентской кампании 2000 года барьер в 5 % преодолели шесть партий (ЭЧП = 7). Но в одномандатных округах правящей элите удалось заблокировать победу ряда заметных оппозиционеров, выстроивших свою репутацию в качестве критиков Акаева, таких как Аламазбек Атамбаев и Феликс Кулов. После этого победа на президентских выборах не составила труда для правящей элиты и президент Акаев в первом туре голосования набрал 74,5 % голосов (ЭЧК = 1,7).

Киргизскую партийную систему накануне избирательного цикла 2005 года можно было охарактеризовать как атомизированную. Система одномандатных округов поощряла участие в выборах двух основных типов кандидатов: публичных критиков власти и «политических предпринимателей», готовых вложить средства для победы в округе, чтобы в дальнейшем получать депутатскую ренту. Имея возможности находить поддержку среди депутатов-одномандатников, правящая элита фактически обходилась без «партии власти».

Стратегии элит. Институциональный дизайн предоставлял широкие возможности для правящей элиты. Выборы также не были действенными

«окнами возможностей». В итоге правящая элита могла игнорировать оппозиционеров или использовать репрессивные механизмы для их подавления. Так, в 2001 году наиболее видный оппозиционер Кулов получил тюремный срок 7 лет, затем увеличенный до 10 лет. Некоторым оппозиционерам удалось, мобилизовав своих сторонников, избежать давления со стороны властей. Так, после демонстраций в Аксыском районе было прекращено преследование депутата Азимбека Бекназарова. Киргизское общество, тяжело пережившее кровавые беспорядки в Оше в 1990 году, негативно воспринимало насилие в отношении населения. Стрельба милиции по толпе вызвала резонанс и правительственный кризис, жертвой которого стал премьер-министр Бакиев. Однако в целом правящая элита легко преодолела разрозненное сопротивление отдельных оппозиционеров.

Кризис 2005 года и «Революция тюльпанов»

Формат противостояния. К 2005 году правящая элита Кыргызстана столкнулась с серьезным вызовом — необходимостью смены главы государства. Президент Акаев пребывал у власти уже второй срок после принятия Конституции 1993 года (*de facto* этот срок был третьим). Акаев неоднократно заявлял, что баллотироваться на новый срок не будет. Парламентские выборы 2005 года должны были определить круг возможных кандидатов среди оппозиции, превращаясь в своего рода праймериз. В результате возникло несколько блоков замещающей оппозиции (Народное движение Кыргызстана, «Отечество» и др.) вокруг возможных кандидатов в президенты. Выборы в округах способствовали сохранению множества разрозненных элитных групп, каждая из которых ставила целью успех на своей территории. Структура элиты не была биполярной, оппозиция только начинала объединительные процессы, потенциальных замещающих групп было несколько. Помимо начинающейся борьбы за президентское кресло, на политической сцене возникали многочисленные локальные конфликты, которые могли быть использованы главными акторами.

Конфликт и его исход. Кооперация была выгодна оппозиционерам. Конкуренция на парламентских выборах возросла — вместо 90 одномандатников избиралось 75, к тому же правящая элита активно поддерживала на выборах своих кандидатов. Оппозиция ориентировалась на сотрудничество с кандидатами, снятыми с выборов, а в дальнейшем и с проигравшими кандидатами. Выборы вызвали волну протестных движений по всей стране. Проигравшие обвиняли соперников в нечестной борьбе, а избирательные комиссии в фальсификациях и требовали пересчета итогов или новых выборов. Оппозиционные блоки, не пытаясь оценивать справедливость тех или иных обвинений, поддержали и возглавили стихийно возникшее протестное

движение. Протестующие по всей стране устраивали массовые митинги, перекрывали дороги, блокировали работу государственных учреждений. Главной координационной силой оппозиционеров стал лидер НДК Бакиев. На юге Кыргызстана демонстрации вылились в захват власти над регионами. Поддержка большинству протестантов была заочной, но в событиях на Юге лидеры оппозиции принимали непосредственное участие.

Выбор неконвенциональных стратегий борьбы был продиктован тем, что кампанию по выборам в парламент правящая элита выиграла. В парламент прошло 19 депутатов от партии власти «Вперед, Кыргызстан!» и еще 5 от проправительственной партии «Адилет». Потерпели поражение большинство депутатов от оппозиционных блоков, в том числе и Бакиев. Лидер оппозиции потерял возможность использовать парламент как площадку для наращивания президентского рейтинга, и такой площадкой закономерно стала улица. Правящая элита была довольна итогами голосования, приобретя инструмент опоры — парламент, который благополучно приступил к работе. В таких условиях президент считал возможным игнорировать волнения. Тем более что внутри оппозиции начались брожения — избранные депутатами представители «Отчества» Омурбек Текебаев и Дооронбек Садырбаев отказались поддержать Бакиева.

Однако киргизский конфликт разрешился неожиданно. 24 марта демонстрация оппозиции в центре Бишкека столкнулась с группой провокаторов. Толпа вышла из-под контроля и захватила Дом правительства. Президент Акаев скрылся и уехал из страны. Начавшиеся беспорядки в столице погасила милиция под руководством Кулова, освобожденного из колонии в ходе конфликта (Киргизский, 2005; Cornell, Swanstrom, 2005; Pelkmans, 2005).

Оставшиеся без президента элиты в срочном порядке решили правовые вопросы. Суд после колебаний признал новый парламент легитимным. Парламент утвердил Бакиева премьером, а спикером выбрал Текебаева. Некоторые проигравшие кандидаты, ставшие опорой оппозиции, получили государственные посты; в ряде округов выборы были признаны недействительными, и там кандидаты получили новый шанс; некоторая часть проигравших была забыта. Политическая элита Кыргызстана за несколько дней оформила новый баланс сил. Победившая группа во главе с Бакиевым заключила прагматичные союзы с новым парламентом, с частью старой элиты и с имевшим большое влияние на Севере Куловым. Акаев после уговоров депутатов нового парламента подал в отставку. В результате объявления об электоральном союзе Бакиева и Кулова кампания носила формальный характер, по итогам голосования в июле 2005 года Бакиев набрал 88,7 % (ЭЧК составило 1,3). В сентябре Бакиев внес на рассмотрение депутатов кандидатуру премьера Кулова, парламент ее утвердил и правящая элита Кыргызстана приобрела новый формат.

Хотя конфликт элит завершился капитуляцией одной из сторон, победитель вынужден был поделиться выигрышем с картелем своих союзников. По итогам конфликта в Кыргызстане оформилось три центра силы — президент, премьер и парламент. Открывшееся окно возможностей позволяло изменить институциональный дизайн и закрепить новую расстановку сил. Однако институциональные изменения были отложены на «постреволюционный» период.

Политический режим после «Революции тюльпанов»

Институциональные изменения. Процесс конституционного реформирования длился более двух лет и сопровождался кризисами и противостоянием новой правящей группы и оппозиции. В конце 2006 года дважды принималась новая редакция конституции, однако Конституционный суд не признал законность этих редакций. Тогда Бакиев вынес на референдум собственный вариант конституции.

Новая конституция сокращала возможности президента. Выдвижение премьера осуществляла партия большинства в парламенте. Президент потерял часть исполнительных (6 баллов против 13) и законодательных полномочий (8 против 10). Таким образом, следствием «цветной революции» стало формальное уменьшение объема полномочий президента. Вместе с тем была изменена избирательная система на выборах парламента. 90 депутатов избирались по партийным спискам. В условиях ресурсного доминирования правящей элиты эта система позволяла сохранить контроль президента над правительством и увеличить контроль над парламентом с помощью партии власти.

Итоговый конституционный формат стал возможен вследствие длительного периода неустойчивости новой правящей элиты во главе с Бакиевым, которая вынужденно заключила соглашения с множеством отдельных групп атомизированного киргизского общества (Fuhrmann, 2006). Однако неформальный характер этого соглашения позволил правящей группе ввести избирательную систему, минимизирующую эффекты сокращения президентских полномочий.

Структура элиты. После «Революции тюльпанов» правящая элита внимательно следила за балансом регионов: премьер-министрами при южанине Бакиеве становились выходцы с Севера. Введение пропорциональной системы повысило значение партий. При этом имели значение обстоятельства внедрения новой избирательной системы. Досрочные выборы прошли сразу после референдума по инициативе Бакиева, воспользовавшегося широкими полномочиями по «акаевской» конституции. Новые партии не успели сформироваться в преддверии выборов за столь короткий срок. Естественным следствием этой ситуации стало появление «партии власти» «Ак Жол», дру-

гие участники выборов в основном представляли собой прежние персоналистские силы.

ЦИК объявила итоги выборов, сразу конвертировав голоса в парламентские места. По итогам голосования 5 %-ный барьер преодолели четыре партии: «Ак Жол», относительно лояльные Социал-демократическая партия и Партия коммунистов, а также оппозиционная партия «Ата-Мекен». Однако последняя стала жертвой киргизского нововведения — регионального барьера в 0,5 %: поскольку партия не сумела преодолеть этот барьер в одном из регионов, то в парламент она не прошла. В итоге «Ак Жол» стал доминирующей силой в парламенте, получив 71 место из 90. Согласно данным по областям на сайте Киргизской избирательной комиссии,³ эффективное число партий по итогам выборов может быть оценено как 2,4. В целом можно сделать вывод о трансформации партийной системы в сторону консолидации (см. табл. 5).

Таблица 5. Изменение ЭЧП

Выборы	2000	2005	2007
ЭЧП	7	-	2,4

Консолидация партийной системы стала возможной благодаря концентрации ресурсов у одной группы. Баланс сил после «Революции тюльпанов» строился на основе неформальных соглашений и быстро меняющихся коалиций. В результате длительной тактической борьбы Бакиеву удалось получить контроль над большей частью ресурсов и обеспечить электоральный успех «партии власти».

Стратегии элит. Новая правящая группа пришла к власти после завершения конфликта элит, исход которого можно охарактеризовать как абсолютное поражение Акаева, но не как абсолютную победу Бакиева. Президент Акаев бежал, и его прежние союзники капитулировали перед новой правящей группой, однако Бакиев не стал единоличным победителем в этой борьбе — чтобы получить власть, ему пришлось разделить выигрыш с новым парламентом и премьером Куловым.

В отношении своих противников новые правящие элиты не были скованы в средствах. Они жестко подавили бывшие бизнес-структуры, связанные с семьей Акаева, прошедшие в парламент дети бывшего президента Айдар Акаев и Бермет Акаева были лишены мандатов. Так же были подавлены

---

³ См.: Результаты досрочных выборов депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 16 декабря 2007 года (по областям, городам Бишкек и Ош) (<http://www.shailoo.gov.kg/show.php?tp=tx&id=843>; доступ 11 мая 2009).

выступления отдельных «авторитетных» бизнесменов. Однако внутри коалиции вынужденных союзников правящей группе приходилось искать компромиссы во время длительной борьбы за господство. В марте 2006 года под давлением Кулова и Бакиева с поста спикера парламента вынужден был уйти Текебаев. В конце 2006 года, после конфликта парламентской оппозиции с Бакиевым и Куловым и принятия новой Конституции, премьер подал в отставку, надеясь добиться проведения досрочных парламентских выборов. Однако новые выборы не состоялись, а Бакиев отказался продавливать в парламенте кандидатуру Кулова. В апреле 2007 года Бакиев, заключив союз с одним из лидеров оппозиции — Атамбаевым, сумел подавить организованные оппозицией демонстрации, которые возглавил бывший премьер Кулов. Но равновесие сил оставалось неустойчивым. Лишь к осени 2007 года Бакиев, после принятия своего варианта Конституции и роспуска парламента, смог снять барьеры на пути использования силовых стратегий. Таким образом, Бакиев, умело чередуя неформальные союзы, сумел «переиграть» большую часть независимых соратников по картели победителей.

Электоральная кампания 2007 года была проведена при силовом давлении правящей элиты. Велось судебное преследование отдельных оппозиционеров. Явным примером электоральных манипуляций стало введение регионального барьера в 0,5 %. Для небольших киргизских партий, сформированных вокруг региональных нотаблей, этот барьер мог стать действенным орудием. Разрозненные оппозиционные силы в этот период использовали в основном критику в парламенте и неконвенциональные стратегии уличных протестов. Правящая элита умело сочетала подавление некоторых групп с кооптацией отдельных лидеров и в конечном итоге добилась монополизации контроля над парламентом.

Влияние «Революции тюльпанов» на киргизский режим было обусловлено двумя характеристиками конфликта. Во-первых, его результатом стала абсолютная победа картели акторов, связанных неформальным «пактом». Как следствие новый политический режим не нуждался в институциональном закреплении барьеров, препятствующих подавлению противников. Во-вторых, неформальный характер «пакта» и отсутствие закрепления новых институтов способствовали постоянной межэлитной борьбе, которая в итоге завершилась победой одной доминирующей группы.

Заключение: имеют ли значение «цветные революции»?

Итоги рассмотрения трех случаев «цветных революций» могут быть сведены в таблицу 6.

Таблица 6. Политические режимы до и после «цветных революций»

Параметр	Грузия	Кыргызстан	Украина
Накануне «цветной революции»			
Институциональный дизайн	Суперпрезидентализм	Суперпрезидентализм	Двойная подотчетность правительства
Фрагментация элит	Высокая фрагментация	Атомизация, персонализм	Высокая фрагментация
Преобладающие стратегии	Компромиссные стратегии, ограниченные возможности правящей элиты	Доминирование правящей элиты	Компромиссные стратегии, контроль правящей элиты через маневрирование
«Цветная революция»			
Выход из кризиса	Капитуляция правящей элиты	Капитуляция элиты, неформальный пакт картели элит	Формальный пакт старой и новой элиты
Структура победителей	Монолитная коалиция	Фрагментированная коалиция	Широкая коалиция
Эффекты революции			
Институциональные изменения	Незначительное уменьшение объема полномочий президента	Формальное ослабление президента при усилении его контроля над ресурсами	Усиление парламента и премьер-министра, ослабление президента
Фрагментация элит	Доминирование одной партии	Переход от атомизации элит к электоральному доминированию	Консолидация партийной системы при отсутствии доминирующей партии
Преобладающие стратегии	Доминирование правящей элиты	Доминирование правящей элиты	Вынужденные компромиссы

Итак, «цветные революции» как своего рода «окна возможностей» политических трансформаций произвели различные эффекты с точки зрения динамики политических режимов трех постсоветских государств. Во всех случаях институциональные изменения были направлены на сокращение объема полномочий президента, но их политические последствия оказались различными.

В случае Грузии, где новому президенту не могли оказать сопротивления ни прежняя правящая элита, ни соратники по «революционной» коалиции, изменения ограничились введением должности премьер-министра. Глава

государства *de facto* не лишился суперпрезидентских полномочий, контролируя премьер-министра. Более того, установление контроля над парламентом новой «партией власти» и преодоление внутриэлитного раскола привели к доминированию правящей группы, т. е. к усилению президентской власти по сравнению с ситуацией в период второго срока Шеварднадзе. Вплоть до конфликта в Южной Осетии такое равновесие сил оставалось устойчивым, и пока нет оснований говорить о качественных сдвигах.

В случае Кыргызстана новый президент не встретил сопротивления прежней элиты, но был вынужден считаться со своими соратниками по коалиции победителей. В конечном итоге в результате сложных комбинаций правящей элите все же удалось получить доминирующее положение. Ресурсов президентской власти оказалось достаточно, чтобы по очереди «переиграть» соперников и оформить режим с единственным вето-игроком. Поэтому к настоящему времени институциональные изменения, более масштабные, нежели в Грузии, не привели к реальному ослаблению правящей группы, а скорее усилили ее.

В случае Украины «Оранжевая революция» и последующие события привели к установлению треугольника вето-акторов из прежней правящей элиты и двух сторон коалиции победителей. Такой формат, имевший институциональную опору в виде премьер-президентской системы правления, способствовал балансу, при котором попытки одной группы занять доминирующее положение блокируются двумя другими группами. Таким образом, из трех случаев «цветных революций» украинский случай стал единственным, где институциональные изменения вынуждали акторов к компромиссному характеру политического процесса.

Исходя из постулата, что сила институтов определяется силой акторов, заинтересованных в их существовании (Weingast, 1997), можно определить в качестве предпосылки становления институционализированной конкуренции элит в случае Украины наличие нескольких политических сил, которые оформились на политической сцене страны еще до «цветной революции». Не претендуя на широкие обобщения, возможно вывести различие исходов «цветных революций» из различия двух выделенных характеристик «цветных революций» — формата «коалиции победителей» и исхода конфликта правящей элиты и замещающей оппозиции.

В случае Грузии ограниченный состав «коалиции победителей» и явное доминирование в ее составе фигуры Саакашвили способствовали формированию единой правящей группы, закрепившей свое господство над политическим процессом. В случае Кыргызстана наличие нескольких равных по силе групп в составе «коалиции победителей» препятствовало установлению монолитного режима после прихода к власти новой правящей элиты. Однако после оформления нового баланса сил господствующая группа не

была заинтересована в ограничении собственной власти и сумела использовать имеющиеся ресурсы для предотвращения притязаний других групп на совместное руководство. В случае Украины наличие относительно равных по силе групп внутри новой правящей элиты сочеталось не с суперпрезидентской системой, как в Кыргызстане, а с способствующей компромиссности премьер-президентской. Прежняя правящая элита Украины имела достаточно ресурсов, помимо легко передаваемого административного (поддержка восточных регионов), для установления рамок компромисса, которые в дальнейшем благополучно поддерживались как новыми институтами, так и фрагментированными сегментами элит.

Таким образом, «развилкой» возможных исходов становится соотношение потенциалов правящей элиты и оппозиции в ходе «цветных революций» (см. табл. 7). Капитуляция, являющаяся следствием отсутствия ресурсов у старой элиты, может вести либо к оформлению неформального картельного соглашения в случае, если одна группа не может контролировать политический процесс, либо к доминированию одной группы, в случае, если победившая элита достаточно монолитна. И тот и другой исходы в конечном счете ведут к упрочению президентской власти и к сохранению или даже росту влияния доминирующей группы. И лишь компромисс, вызванный примерным равенством сил участников конфликта, ведет к установлению ограничивающих институтов, которые могут оказаться достаточно сильными, чтобы препятствовать стремлению отдельных акторов к их пересмотру.

Таблица 7. Эффекты «цветных революций»

Сценарий	Широкая коалиция	Монолитная оппозиция
Подавление правящей элиты	Непрочный неформальный пакт, переход к доминированию новой элиты	Доминирование новой правящей элиты
Компромисс элит	Фрагментация элиты	—

Итак, имеют ли «цветные революции» значение с точки зрения их воздействия на трансформацию постсоветских политических режимов? Опыт Грузии, Украины и Кыргызстана позволяет ответить на этот вопрос утвердительно, но лишь при наличии у политических акторов стимулов к институциональным изменениям, обусловленным примерным равенством их потенциалов. В свою очередь, композиция этих акторов и баланс их сил сами являются следствием политических процессов, протекавших в этих государствах еще до начала «цветных революций», что дает основания говорить о зависимости исходов «цветных революций» от траекторий предшествующего пути развития постсоветских государств (path-dependency) (North, 1990).

Эта зависимость определяет конфигурации элит, их интересы и стратегии в ходе «цветных революций» и после их завершения и оказывает существенное влияние на то, становятся ли сами «цветные революции» шагом на пути трансформации режимов, или они ведут лишь к замене одних доминирующих акторов другими на политических сценах постсоветских государств.

Литература

- Бондаренко К. (2003). Хто й чим володіє в Україні. *Львівська газета*, 17 июля.
- Бондаренко К. (2004). Система БЮТ, или Блок Ющенко-Тимошенко (<http://www.materik.ru/index.php?section=analitics&bulid=93&bulssectionid=8324>; доступ 11 мая 2009).
- Гельман В. (2007а). Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе, *Полис*, № 2, с. 81–108.
- Гельман В. (2007б). Украина: фрагментированное пространство, в: Маргания О. (ред.). *СССР после распада*. СПб.: Экономическая школа, с. 75–140.
- Гилев А. (2007). Межэлитные взаимодействия в условиях «цветных революций», *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*, № 2, с. 109–122.
- Голосов Г. (1997). Пределы электоральной инженерии: «смешанные несвязанные» избирательные системы в новых демократиях, *Полис*, №3, с. 102–113.
- Зазнаев О. (2007). Индексный анализ полупрезидентских государств Европы. *Полис*, № 2, с. 146–164.
- Киргизский (2005). *Киргизский переворот*. М.: Европа.
- Кынев А. (2002). Институт президентства в странах Центральной и Восточной Европы как индикатор процесса политической трансформации, *Полис*, № 2, с. 126–137.
- Кынев А. (2005). Эффекты «майдана»: Политическая система Украины после кризиса 2004 г., *Полис*, № 1, с. 63–71.
- Макаренко Б. (2005). «Цветные революции» в контексте демократического транзита, *Мир перемен*, № 3 (<http://www.politcom.ru/article.php?id=2025>; доступ 11 мая 2009).
- Макфол М. (2005). Пути трансформации посткоммунизма, *Pro et Contra*, т. 9, № 2, с. 92–107.
- Оранжевая (2005). «Оранжевая революция». *Украинская версия*. Сборник. М.: Европа.
- Политическая (2002). *Политическая ситуация в Грузии* (<http://www.nlvp.ru/print/32.html>; доступ 11 мая 2009).
- Социально-политическая (2005). Социально-политическая ситуация в Украине (<http://www.analitik.org.ua/ukr/analytics/2005/2005-01/>; доступ 11 мая 2009).
- Фисун А. (2007) Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология, *Отечественные записки*, № 6, с. 8–28.
- Хэйл Г. (2008). Президентский режим, революция и демократия, *Pro et Contra*, т. 12, № 1, с. 6–21.

Aslund A. (2006). The Ancien Regime: Kuchma and the Oligarchs, in: A. Aslund, M. McFaul (eds.). *Revolution in Orange*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, p. 9–28.

Burton M., Gunther R., Higley J. (1992). Introduction: Elite Transformation and Democratic Regimes, in: J. Higley, R. Gunther (eds.). *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, p. 1–37.

Cornell S., Swanstrom N. (2005). Kyrgyzstan's "Revolution": Poppies or Tulips? *Central Asia-Caucasus Analyst* (http://www.cacianalyst.org/view_article.php?articleid=3323; доступ 11 мая 2009).

D'Anieri P. (2005). The Last Hurrah: the 2004 Ukrainian Presidential Elections and the Limits of Machine Politics, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 38, N 2, p. 231–249.

Fuhrmann M. (2006). A Tale of Two Social Capitals: Revolutionary Collective Action in Kyrgyzstan. *Problems of Post-Communism*, vol. 53, N 6, p. 16–29.

Hale H. (2006). Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 39, N 3, p. 305–329.

Jones Luong P. (2002). *Institutional Changes and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kuzio T. (2005). Regime Type and Politics in Ukraine after Kuchma, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 38, N 2, p. 167–190.

Kuzio T. (2006). Everyday Ukrainians and the Orange Revolution, in: A. Aslund, M. McFaul (eds.). *Revolution in Orange*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, p. 45–68.

North D. (1990). *Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

O'Donnell G., Schmitter P. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press.

Pelkmans M. (2005). On Transition and Revolution in Kyrgyzstan, *European Journal of Anthropology*, vol. 46, p. 147–157.

Shugart M., Carey J. (1992). *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tucker J. (2007). Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions, *Perspectives on Politics*, vol. 5, N 3, p. 535–551.

Weingast B. (1997). The Political Foundations of Democracy and the Rule of Law, *American Political Science Review*, vol. 91, N 2, p. 245–263.

Wilson A. (2005). *Ukraine's Orange Revolution*. New Haven; London: Yale University Press.

Алексей Гилев

**Политические трансформации на постсоветском пространстве:
Do revolutions matter?**

Препринт М-06/09

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 02.06.09
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

Препринты Центра исследований модернизации

М-01/08

Владимир Гельман

Динамика субнационального авторитаризма:
Россия в сравнительной перспективе

М-02/09

Андрей Стародубцев

Политическая лояльность или экономическая эффективность?
Политические и социально-экономические факторы распределения
межбюджетных трансфертов в России

М-03/09

Дмитрий Травин

Модернизация общества и восточная угроза России

М-04/09

Андрей Заостровцев

Модернизация и институты: подходы к количественному измерению

М-05/09

Анна Тарасенко

Инкорпорирование групп интересов в процесс принятия решений
как фактор модернизации в России

М-06/09

Алексей Гилев

Политические трансформации на постсоветском пространстве:
Do revolutions matter?

М-07/09

Александр Балаян

Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции,
Японии и Польши

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышению квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук О.Л. Маргания
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук Д.Я. Травин
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук В.Я. Гельман